

Александр Иванушкин

Нокла и Горизонт

Александр Иванушкин Нокла и Горизонт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19207485

ISBN 9785447494537

Аннотация

События, изложенные здесь, случились с автором в юности. Все в этой остросюжетной повести – истинная правда. Конечно, правда не документальная, а во всю художественная. Место и время действия – стройбат, лесоповал, восьмидесятые. Всем выжившим и не потерявшим себя, посвящается.

Содержание

Нокла	5
.1	5
.2	13
.3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нокла и Горизонт

Александр Иванушкин

© Александр Иванушкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нокла

.1

Зеленый ЗИЛ-131 с кунгом без дверей шел меж снежных стен по зимнику «Турмалин – Нокла». Нокла – верхний склад. Там три барака, дизель-электростанция и ПРМ (передвижная ремонтная мастерская). Зимой, конечно, ад. Но летом, разумеется, рай. Летом лесные бригады валят банан на летниках (уходят из Ноклы в сухие места). Здесь же оттаивают бездонные болота и оживает витаминная линия – морошка, голубика, черника, брусника, клюква.

В ягодах Ноклы повышенное содержание серебра. Никто не знает откуда в ягодах серебро, но всем это очень нравится. Мне тоже это очень нравится, хоть я их еще не пробовал. Я появился здесь в декабре. После отстоя в Турмалине, меня и еще двоих духов «отобрали для Ноклы». К несчастью, для Ноклы без ягод, без озер, для Ноклы промерзшей до костей и заваленной снегом по крыши.

Дело в том, что я умный и сильный. И теперь зеленый ЗИЛ с оскаленной мордой тянет порывивая себя и поклажу по ледяному зимнику. А поклажа – битый кунг без дверей,

в котором я, Алеут, Цапфа, какие-то мешки и две окаменевшие свиные полутушки. Как сказал Алеут: «Что -42, что +42, одинаково хреново». Вот не знаю.

В начале мы пели, потом ели (нашли мешок с луком и настрогали стружек с каменной свиньи), но так и не согрелись. Бушлаты на телогрейки, ватные штаны, валенки – все прах, когда ты не двигаешься. А двигаться уже нет ни желания, ни сил. Конечности утеряли чувствительность и подвижность. Цапфа, похоже, помер. Алеут сосредоточенно кряхтел (пытался шевелить пальцами рук и ног).

– Цапфа, ты жив?

– Пни его...

– Цапфа! Глаза открой!

– Восемьдесят километров. Интересно, сколько осталось еще?

И тут Цапфа задекламировал своего Мандельштама:

– В серебряном ведре нам предлагает стужа Валгаллы белое вино...

– Опа. Бред цапфиный попер.

– Мы едем в вечность, ребята...

– Цапфа, не надо в вечность. Давай в Ноклу.

– Зачем? Вот свет в конце пути. Белый, слепящий...

– Дурень, это гребаная снежная пустыня в проеме.

– Ты в кунге, Цапфа. И просто замерзаешь. Подымай его,

Алеут.

– Щас, Ваньша, себя бы поднять...

Ты такой веселый клоун, когда тебя слушают только мышцы торса и ноги выше колен. Два таких веселых клоуна в тряском кунге копошатся, пытаюсь согнуть третьего в сидячее положение. И еще давно, слишком давно хочется отлить. Пожалуй, (спасибо ангел) мы выжили только потому, что я не желал писать в обмундирование.

– Я плохой совсем. Так что будем делать это втроем. Без вас я сейчас обоссусь.

– Опа. Обоссанным в Ноклу нельзя, сожрут.

– Спасибо, Алеут. Не сожрут. Я сейчас там, в проеме, на колени встану, а ты Цапфу мне на ноги закатаешь. Весу в нем немного, но хоть какая-то страховка. Дальше будем размышлять...

– Ребята, я с вами. Кати меня куда надо, Алеут.

Да. Я, Иван Баюклин, называемый Алеутом «Ваньша», сделал свое непростое дело (спасибо товарищам) на эту убегающую белую дорогу. И маленькая анимешная Фрейя за елкой, прижав пушистые ушки, отщелкнула пальчиком на алмазных счетах крошечный кристалл: «Не описался. Первый уровень пройден. Кровоснабжение оптимизировано на восемь процентов».

Мифы света воспевают усилия, мифы тьмы – результат. Мы выпали из кунга у барака и я понял, что рассказы о лесниках – страшная правда. В Турмалине нас пугали, не испугали, но вот эти поджарые, ловкие, ощерившиеся звери на крыльце – ослепительный ужас. Противостать же сегодня в нас мог только дух. Ну на то мы и духи.

Добрый прапорщик Максимчук, что доехал до Ноклы в теплой кабине, сказал крыльцу: «Ваши» и ушел куда-то в белое. Ориентация, это то, что нужно было немедленно обрести и мы с Алеутом выдвинулись прикрывая неуклюжего Цаффу. Это развеселило агрессивную среду и она заговорила.

- Вот эти два пельменя хороши.
- Хороши бровки хмурить...
- Ну, не очень задохлые, раз доехали. День без жмуров – хороший день.
- Еще не вечер.
- Харе болтать. Припас пусть выгружают.
- Тащите, духи, все из машины в столовую. Вон то здание, там повар куда что покажет.

Мы с Алеутом вывалили первую полусвинью на снег. Засунуть Цаффу обратно в кунг, чтобы подавал, не получилось

(ноги у него не сгибались) и тут маленький злой человек с синим лицом (водитель нашего зила) подошел сзади и ткнул в Цапфу железным ведром.

– Ты. Полный бак.

И дурень Цапфа ведро взял.

– А где?

– Там.

Синий махнул рукой в белое. И дурень Цапфа в белое по-топал.

С крыльца проворковали:

– Быстрее разгрузите, быстрее до печки доберетесь, жи-робасики.

Это был наш с Алеутом смертный грех. Отпустили Цапфу одного в белое. Цапфу, который и в Турмалине в трех соснах путался, Цапфу, который ничего тяжелее шариковой ручки в руках не держал.

Повара звали Гудвин. После разгрузки мы ровно четыре часа кололи дрова для столовской кочегарки, за что Гудвин нас в финале накормил. Глядя на то, как я и Алеут глотаем кашу, селедку и хлеб, он произнес,

– Трамбуйте, духи, трамбуйте. Может поможет...

Синей ночью снег в Нокле фиолетовый и волки за спиной воют. Пошатываясь (чот устали), мы с Алеутом добрались

до барака, рядом с которым мурчал в холостую наш ЗИЛ. Большой градусник на крыльце упорно показывал —42. Никто нам не сказал где спать, и мы тупо вошли через маленькие сени в казарму.

Да. Это была казарма. Длинное помещение с железными кроватями. А у входа под лампочкой стоял грязный, мокрый Цапфа и вытаращив глаза смотрел прямо перед собой. Два больших одинаковых синяка, как очки. Такое бывает от точного удара в верхнюю часть переносицы. Цапфа нас не узнал. Шарахался и вжимался в стену, как животное. И молчал.

Попытки растормошить его пресек валенок вылетевший из темноты и очень спокойный, убедительный голос:

– Кто первый вякнет, будет спать снаружи.

Позже, мы узнали, что Цапфа совершил невозможное. Нашел на незнакомой местности заметенные снегом цистерны с ГСМ (горюче-смазочными материалами). И добросовестно, побеждая себя на излете каждого рейса, натаскал мятым ведром полный бак зеленому ЗИЛу.

Только огромных стальных бочек там было две. А ни его замечательная интеллигентная мама, ни кто другой, не успели Цапфе разъяснить разницу между бензином и соляркй. Солярка, пусть и разведенная для морозостойкости керосином, все одно заглушила единственный «не трактор» Ноклы.

Когда маленький синий водитель разобрался что к чему, он впал в амок (патологическую нестабильность).

А это, для натур определенного типа, заразительно. Цапфу сломали резвящиеся шакалы. Наш Цапфа ушел в свою слепящую вечность, а в Нокле осталось животное бессловесное тело. Преданный раб двух тем – страха и голода. Стройбат нарек его Синеглазкой за регулярно подновляемые фиолетовые фонари.

Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

Цапфу убили весной на помойке за столовой и я еще о том расскажу. Теперь, когда не различить уже, где кончается моя борода, а где начинаются седые мхи Ноклы, я понимаю – Цапфа и не жил никогда. С самой первой прочитанной книжки, даже раньше, с самой первой игры в «маминога зайчика» – Цапфа тщательно имитировал все подряд, собой не являясь. Не являясь в этот мир собой.

Когда стройбат походя содрал с него липкие шкурки (заученное дабы слыть и нравиться), под ними не оказалось человека. Под ними оказалось безумное новорожденное жи-

вотное. Животное без опыта самости, душа в отключке. Сегодня мне понятно и омерзение жестоких живых к «имитирующим жизнь мертвецам», и понятны жертвы высоких живых ради воскрешения (пробуждения) «имитирующих жизнь мертвецов».

Утром пришел бодрый прапорщик Максимчук и заревел как тирекс (древний предок петуха): «Падиом!» Этот (первый) день, я могу описать. Последующие сорок – нет. Из обмундированных по уставу здесь были только я, Алеут и тело Цапфы. На Цапфино тело кто-то шикнул: «Стой, где стоишь», так что на завтраке его не было.

Теплая, сладкая (мороженная) картошка пюре, хлеб и чай. Вся посуда алюминиевая. У каждого свое место за тремя длинными столами. Масло пронесли было мимо нас. Но нет.

– Масла духам. Эти мои.

– Не жирно, Бобер, сразу двоих?

– А ты отбери...

Бобер и Выгла – два бригадира вальщика. Я точно (позвоночником) определил оскалившихся Выглиных и меньших числом, но тем не менее веселых и спокойных (уверенных в бескровной победе) Бобровых. Мастер-класс администратора или «живые уроки вождя» – Бобер убил трех зайцев двумя короткими фразами.

После еды, на пол минутки, мы обрели эскорт. Бобровы, как-то мягко и точно перемещались вокруг нас и ни один

Выглин так и не вошел в прямой контакт с духами. Наконец Выгла, что наблюдал за странными танцами в отдалении, плюнул под ноги и махнул своей рукой.

– В кунг.

Нас же Бобер вручил Феде.

– Федя, обеспечить.

Федя был не поджарый, не ловкий и не хищный. Его можно было принять за духа, если бы не всеобщее почтение. Федя был хозяином ПРМ. Он точил цепи и ремонтировал бензопилы. Алеута он спросил:

– Бензин от солярки отличишь?

И вручил ему железную канистру на 20 литров. Алеут дунул на ГСМ за бензином для Бобровой бензопилы. А меня Федя отвел в свою ПРМ.

Зеленый вагончик на колесах был с дверью и железной печной трубой. Внутри ослепляла огромная лампа (на 800 вт.) Там был верстак, лежак и кучи железного хлама в углах. Там также были маленькие токарный, сверлильный и еще какие-то станки. Федя был токарь, сварщик, автослесарь и мог все. На меня он навесил бензопилу (Урал-2), три цепи и вручил пластиковую полторашку редукторного масла.

– Дуй в кунг.

– Федя, а кто Цапфу забил?

– Какую цапфу?

– Ну, нашего третьего...

– Беги в кунг, пока стройбат не уехал. А то пехом на делянку погрешь... Стой. Топоры привезешь из леса. Первый раз я вам их наточу. Дальше – сами. Пошел...

Весь стройбат уже сидел в кунге и Алеут, стороживший свою канистру с краю, принял мой груз и подал руку. В Нокле есть сварочный аппарат и Федя, но кунг был без лесенки. Заменял ее торчащий на уровне солнечного сплетения скользкий буксирный крюк, который здесь называли «фаркоп». Зил рыкнул и тронулся. Ватные штаны и валенки + этот фаркоп + необходимость упереть в него ногу на ходу = адреналиновый шок, что не дал мне замерзнуть по дороге на делянку.

Делянка – огромное, белое, неведомое, засыпанное снегом слепое пятно, которое нам с Алеутом пришлось осваивать в бою (без предварительной теоретической подготовки). Мы отаптывали обжигающий снег вокруг елок, сосен и редких берез, чтобы Бобер мог валить «за-под-лицо», не оставляя убивающие наш трактор высокие пеньки.

И еще мы рубили сучки топорами на длинных топорищах, превращая упавшие деревья в то, что стройбат называет «бананы». Трелевочный трактор (кабинка сбоку, лебедка и щит

сзади, эмблема производителя – олень), вытаскивал бананы пачками. Надо было успевать нарыть корпусом траншей вокруг стволов вопящему Бобру в запас (Бобер и его помвала не желали мерзнуть и ждать) и успевать отсечь все сучки на уже сваленных (трактор с чекеровщиками на капоте поджимал).

Вообще, мы закончились физически через час. Алеут крепче, а вот я вывернул в сугроб весь завтрак. Оказавшиеся рядом встретили мой салют смехом.

– Веселые у нас духи.

– До вечера сдохнут.

«Вот хрен вам всем» – так подумал Алеут. «А я уже сдох» – так подумал я.

Суть угара была проста. Тракторист, сильно кривоногий чел по имени Вилка, пытался нагнать Бобра (оказаться в ситуации, когда трактор пришел, а полной пачки лежащих ровнюсенько бананов еще нет). Он и два его чекеровщика желали с шиком заехать на волок и, опа, покурить. Обсудить веским ленивым матом вялого вальщика и нерасторопных сучкорубов. Но с Бобром, очевидно, этот вариант был маловероятен и потому разжигал.

Эти люди двигались, как вода – точно и очень быстро. И они не были покрыты ледяной корой. До сего дня не знал,

что могу просолить своим потом ватник (и ватные штаны) насквозь. Отбежать, увернуться от падающей елки, рвануть к ней, упавшей, и отчекрыжить топором верхушку. Затем, с мелкого замаха, частить-состригать весь ее лапник, выворачивая один глаз на спину (сторожить, когда тронется на тебя следующая). И все это по пояс, а где и по боле, в снегу.

Тело, когда отработало свой ресурс (выжато), а остановиться восстановиться не светит, начинает стремительно уменеть. Ты вдруг понимаешь, что только что послал топор на длинном топорнице вверх единственно точным экономным ударом валенка в обух, а вернулся он вниз своим весом (без твоих усилий вообще). Отсек же гладко этот топор сосновый сук толщиной в руку только потому, что ты чуть изменил угол его падения и чуть поддернул на излете.

И ты уже не ухаешь, как свежий дебил в белый свет зазмурившись, а режешь дерево так, как никогда не умел. Другое дело, что на старте, пока ухал и вертел шеей, чтобы тебя не убило сосной или елкой, ты успел (и не один раз) порубить себе валенки. И там, кажется, даже хлопает красное. Но вот подбегает по стволу Алеут с очень злым почерневшим лицом и помогает достричь сосну.

– Я там сам, Ваньша, – хрипит:

– Буду сам там рыть и к тебе подлетать... Не свались, брат, ты у меня теперь один...

Можно, конечно, убить Бобра. Эта возможность занимает, пока не сфокусируешься на самом Бобре, что весело скачет от дерева к дереву через сугробы, размахивая бензопилой (16 килограмм, если с полной заправкой). Скачет конь неутомимый и весело ему. Сколько кубов стрелевал Вилка в большой красивый штабель, не знаю, но до обеда я дожил на ногах.

На обед привезли красивые зеленые термоведра. И был в них суп с капустой, картошкой и кусочками свинки. И была в них перловая каша с квашеной капустой. И был слабо сладкий чай (сильно разведенный чагой). И съели мы все очень быстро с хлебом у большого костра. Дальше было тоже, что и до обеда. Не знаю, почему я не помер. Злой Алеут (почерневший и шатающийся) со своей стыдной помощью, врожденное упрямство, но скорее всего – воля Божья.

Вечером, перед тем как мы залезли в кунг (ехать в Ноклу на ужин), Бобер заметил мои красные валенки. Он лично добыл солярку из трактора и аккуратно залил по литру в каждый.

– Шоб не гнил у меня. После ужина к Максимчуку за новыми. И топоры возьми наточить. Таким тупьем сучки рубать токо Ильи Муромцы могут.

Я быстро стоял (с 90 кг до 70-ти). Перестали расти волосы и ногти (ногти начали расти через два месяца, волосы через три). Цапфа же наоборот, зарос мгновенно. Черные руки его, с загнутыми когтями, походили на руки вурдалака. О ногах боюсь даже думать (валенки он больше не снимал, зачем?).

Цапфа поправился пожирая объедки и мерзлые очистки на помойке за столовой. В казарме очень скоро его перестали терпеть за стойкую вонь и он устроился жить угловой тенью в столовской кочегарке, поближе к источнику пищи. В обращенной к нему человеческой речи Цапфа различал только интонации (бежать ему сразу или можно зажмуриться и переждать).

К весне я научился видеть делянку в трех проекциях и всех находящихся на ней одновременно. С векторами движения, настроениями и намерениями всех единиц, как один непрерывный текущий мир, который мне подконтролен. Боброва бензопила рассказывала как скоро она заревет и захлебнется без бензина и что она грызет сейчас (елку, сосну, березу, подпил или спил). Вилкин трактор честно докладывал пустой или с пачкой и полна ли она, как тяжело переваливаться через долбаный пенек и в тоске или в угаре собственно Вилка.

Я точно знал пойдет ли сегодня снег и куда упадет трех-

кубовая ель, которую Бобров помвала не смог вытолкнуть правильно. Но лучше всего я чувствовал Алеута. Мы с ним вообще перестали разговаривать и действовали как две руки одного торса. К весне мы начали грубить старшим, при необходимости. И грубить успешно. Себя я не видел, Алеут же высох в стальную, увитую жилами пружину. Смотрел он на людей прозрачно и весело, как смотрят готовые убить просто так, чтобы стало чуть разнообразнее жить.

Мы до подробностей восстановили произошедшее с Цапфой. Маленький водитель ЗИЛа, которого завали Грузин (потому что он был грузин), тонко визжал от ненависти и лупил Цапфу мятым ведром, пытаясь попасть по голове. Минуты две. Потом ушел сливать бак и продувать патрубки. Собачья работа на морозе, кто спорит. А вот привлеченные тупым бабьим визгом шакалы остались. Да. Вилка и его чеке-рята гоняли Цапфу вокруг казармы около часа. И этого хватило.

Мы знали и ждали, они знали и ждали. Этот мрак висел над Ноклой настолько явно, что даже Бобер нашел нужным поставить меня в известность, что Вилка классный тракторист и менять его на неизвестного урода никто не хочет.

– Пришлют криворучку, бляди. Расти его, обучай, дрессируй. А он тупой есля? То и кабздец нашей кубатуре.

Теперь, когда не различить уже, где кончается моя борода и прочая, и прочая, я знаю, что Цапфа и на делянке не жилец. Прибило бы елкой, отрубил бы себе пальцы, чтобы истечь кровью насовсем. А то просто зарылся бы в снег, чтобы никто не нашел и не мучил больше непосильной работой. Теперь я знаю, что дело тогда было вовсе не в Цапфе, а в нашей каменной вере в то, что шакалы жить не должны.

.3

В апреле Нокла еще белая и болото держит, но на ночь ЗИЛ уже можно глушить. Заведется. Сам собой уходящий мороз, это ежегодное реликтовое чудо. Сейчас, конечно, проще – наклон Земной оси и теплый для северного полушария отрезок орбиты. А раньше-то один Индра за все отдувался. И Ашвины его.

В чем-то Нокла имела свой уникальный наклон оси и свою не общую с Землей орбиту. То есть была вполне самостоятельной планетой неведомой звездной системы в другой, неизвестной галактике. Обыденное чудо совмещения происходило только во мне (а теперь и в вас). А еще Нокла говорила с людьми во сне. Первый месяц мне снилась только деланка и бесконечно разнообразные сучки, которые я упрямо рубил под оптимальными углами.

Это непрерывное ночное усилие (оптимизировать угол падения топора), можно спокойно назвать обучающим. Так Нокла доводила своих духов до совершенства. В реальность это отразилось, в итоге, как абсолютная точность и высокая скорость боя. Именно боя, потому что на волоке мы сражались. Отношение к работе, как к битве и к битве, как к работе (не различие этих двух) – родное, общее, наше с Але-

утом «одно».

Потом сны усложнились. Точнее, усложнились обстоятельства снов, а мучительное усилие «оптимизировать это» осталось и даже стало сильнее. Нокла увеличила масштаб «задачи, которую надо решить» как всегда ничего не объясняя прямо, дабы исключить шанс на имитацию, дабы я «точно стал», а не «начал пытаться слыть». Нокла желала, чтобы я оставался живым.

Деловой лес здесь растет на пологих буграх, что выступают, как спины древних зверей из моря моховых болот. Зимой эти болота промерзают и держат трактора и лесовозы. Летом эти болота тают и не везде держат даже легкого человека. Моховое болото – это ковер из мягкого мха толщиной до четырех метров, что затянул поверхность древнего пресного моря неизвестной глубины.

Мох в поверхностном слое живой, а ниже мертвый, а еще ниже уже разложившийся в полужидкую бахрому. И мало кто, ступив на покачивающийся ковер, может точно сказать, какой толщины этот ковер вон там, через два шага: 3 метра или 3 сантиметра. Но в апреле еще все героично. С бугра на бугор Вилкин трактор пер не стесняясь, напрямую.

И зря. Этот участок был слишком ровный и не такой бе-

лый, как остальное. Белый, конечно, да с нездоровым оттенком. Я видел это с бугра, а вот Вилка из трактора – нет. Потому я знал, что будет за три секунды до случившегося. Нокла вздохнула и слизала трактор целиком. Вот он был, а вот его нет. Тракторный след по белому полю уходил в черную квадратную дыру. Дыра дымилась. В ней барахтались Вилкины чекеровщики (они грели жопы на капоте и успели спрыгнуть в черную жижу). А вот Вилка в закрытой кабине опускался сейчас с трактором вниз.

Бобер бежал с бугра и ревел: «Шесты рубать! Костер пампуй!» Его помвала таранил сугробы следом с тягой на плече (тяга помвала, это трехметровый шест с двузубой железкой на конце). Алеут бежал с бугра снося по дороге топором тонкие длинные сушины. Я бежал вслед подхватывая их и прижимая комелек к комельку подмышкой. Последнюю зацепил топором и к черной дыре подгреб нагруженный шестами и дровами.

Бобер уже снял с себя одежды и прыгнул в жижу. Помвала опустил в нее вертикально свою тягу на всю длину, и голый Бобер, перебирая ее руками, ушел в глубину. Мы с Алеутом помогли выбраться пускающим пузыри чекеровщикам. Мокрые шакалята взялись памповать костер. Мы отобрали у них пару ровных стволиков и попытались нащупать трактор. Один шест во что-то уперся.

Вынырнул Бобер и сообщил:

– Тама дальше чистая вода. Густо только сверху на метр.

В родник заехал, долбоеб. Но черно – глаз выколи.

– Тут шест уткнулся...

– Ща к вам поднырну. Огня там больше давайте!

Вилкины и сами, чтобы не помереть, старались отчаянно. Сухие палки трещали, костер разгорался. Помвала вытаскивал на свет ненужную уже тягу и перебежал на нашу сторону провала.

– Давай шест. Держать буду. И другой туда же уприте.

Помвала зажал оба шеста подмышками и оплел их руками. Суровая морда его выражала: «Убей, все одно удержу».

Черно, значит, глаз выколи? Мы с Алеутом быстро разделись на смену Бобру, что уже выбирался по нашим шестам с соплями черного мха на голове и плечах.

– Вот дрянь скользучая. Разгрести б. Не обосритесь там, герои. На трактор не больно похоже.

Бобер пошлепал к огню отогреться, вилкиным же повелел:

– Харе жопы сушить. Взяли по суку. Сволочь эту наматываем и вытаскиваем. Надо хоть немного света туда.

Жижа оказалась теплой, а вода под ней ледяной. По шестам я добрался до того, во что они упирались. Это был ка-

мень. Даже, наверное, каменный столб. Даже, похоже, покрытая мелкой резьбой верхушка каменного столба толщиной в один мой обхват. Камень был теплее воды, но воздух вышел, и я рванул вверх.

Третьим нырнул Алеут. Я и Бобер обжигаясь впитывали жар костра то спиной, то пузом. На краю дыры росла куча склизкой дряни. Вилкины пытались создать окошко во мху. Помвала спросил:

– Ну чо там?

– Хрен знает, – ответил Бобер.

– А ты, Ванька, чо нащупал?

– Не знаю...

Бобер скосил хитрый глаз:

– Пойдешь по этой хрени вниз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.